

Си-фэй, видя, как та залилась краской и замялась, не в силах вымолвить ни слова, мягко улыбнулась:

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Его Величество помнит старую привязанность, он лишь отвлекся на государственные дела и позабыл о тебе. Я найду случай и намекну ему пару раз, он обязательно о тебе вспомнит.

— Благодарю за милость, госпожа, вот только...

— Что-то еще?

И-гуйжэнь сжала зубы и тихо произнесла:

— Несколько дней назад Император спросил меня, не хочу ли я сопровождать его в поездке по Башу, и велел передать мое решение через вас, когда я все обдумаю.

Лицо си-фэй побледнело — это было подобно грому среди ясного неба!

Опасаясь, что та примет это за ревность и затаит обиду, и-гуйжэнь поспешно поднялась, отступила на шаг и упала перед си-фэй на колени:

— Госпожа! Я уже увяла и состарилась, Император даже не посмотрит на меня. Но если бы я могла сопровождать вас и Его Величество в этой поездке, такой милости хватило бы, чтобы мы с четвертым принцем в следующие годы жили по-человечески. Умоляю, сжальтесь над нами, матерью и сыном! Я буду всем сердцем и душой прислуживать вам в дороге!

Си-фэй была глубоко поражена и застыла в кресле, забыв помочь ей подняться.

Видя, что та молчит, и-гуйжэнь поняла, что надежды нет, и отчаянно зарыдала.

— Сестрица, скорее встань, — си-фэй опомнилась, торопливо поднялась и помогла ей встать, хотя в ее голове все еще царила полная пустота.

С чего бы Императору брать в инспекционную поездку никому не известную гуйжэнь?

Си-фэй сама опасалась, что не сможет уклониться от поездки, но никак не ожидала, что и-гуйжэнь будет из кожи вон лезть, лишь бы получить эту возможность.

— Вы хотите сопровождать его в поездке по Башу? — осторожно спросила си-фэй.

— Мечтаю об этом с утра до ночи, — со слезами на глазах ответила и-гуйжэнь. — Император лично спросил меня.

— Я поняла, — с некой неловкостью тихим голосом спросила си-фэй. — Ты... хочешь, чтобы я передала Императору, что ты согласна сопровождать его?

Надежда в глазах и-гуйжэнь вспыхнула с новой силой:

— Госпожа готова посодействовать мне? Это последняя надежда для нас с сыном!

Сердце си-фэй вздрогнуло.

По натуре она была доброй. И хотя она понимала, что и-гуйжэнь пришла с откровенностью лишь ради собственной выгоды, ей не хотелось смотреть, как та вместе с четвертым принцем

слепо влезает в эти мутные воды.

Она и Седьмой были осыпаны милостями и принимали на себя дурную славу ради Императора, но в конце концов их хотя бы защищал Сам Император.

А и-гуйжэнь с ее изнуренным, пожелтевшим лицом, очевидно, протрадала уже полжизни. Если она...

— Ты действительно хочешь отправиться с ним? — си-фэй не решалась сразу давать согласие и принялась предостерегать женщину: — Поездка в Башу связана с тяжелым и опасным горным путем. Сначала нужно... построить Шуский тракт. На это уйдет года три, не меньше.

— Я прождала больше десяти лет, так неужели меня испугают эти три года? Молю лишь об одном — помогите мне, госпожа! — И-гуйжэнь попала во дворец в возрасте восьми лет. Она не знала, как живут люди за стенами дворца, и тем более не представляла, насколько опасны горные дороги.

В ее представлении во дворце то и дело перестраивали дворцы, и даже срочные работы завершались за семь-восемь месяцев. Что такое проложить дорогу в горах по сравнению с этим?

Си-фэй больше не стала ее предостерегать и лишь спросила:

— А твой сын знает об этом?

Если и-гуйжэнь твердо намерена ехать, она не станет препятствовать. Ей лишь хотелось, чтобы мать с сыном все обсудили, прежде чем принимать решение, и потом не винули её.

Си-фэй сама совершила огромную ошибку, попытавшись уклониться от амбиций Императора, и не могла раскрыть этот секрет другим наложницам.

И-гуйжэнь не понимала, почему та внезапно спросила о четвертом принце, но, подумав, честно ответила:

— Я рассказала ему с самого начала. Он тоже надеется, что я смогу получить ваше согласие, госпожа.

— Это ко мне не относится, — бесстрастно произнесла си-фэй. — Запомни: Император спросил твое мнение, и вы с сыном все обсудили. Я могу лишь передать твой ответ, но это не значит, что я дала согласие на твое решение. Запомни, это твой собственный выбор.

Пораженная ее внезапной холодностью, и-гуйжэнь растерянно кивнула:

— Да... да, это мое собственное решение! Будьте добры, передайте Его Величеству!

*

Вернувшись в усадьбу, Лу Цзыяо не мог выбросить из головы картину того, как первый принц с душой воспитывал третьего принца. Это зрелище буквально врезалось ему в память.

Раньше он слышал выражение «кивать, как пестик чеснок толчет», но впервые увидел, как кого-то туют с такой же частотой!

А уж это ледяное лицо первого принца, мгновенно оттаявшее с довольным видом после того,

как пухлый малыш звонко чмокнул его в щеку...

Это было... воистину незабываемо.

Когда он читал роман, все его мысли занимал Лун Аотянь — князь Нин, а о первом принце он помнил не так уж много.

Смутно припоминалось, что первого принца провозгласили наследным принцем лет в двадцать, но спустя несколько лет реформы провалились, и его лишили титула.

В последний раз свергнутый наследный принц появлялся на страницах романа накануне кончины Императора.

Тогда Император лично возглавил военный поход. В последнем решающем сражении он, должно быть, поддался азарту и сам повел передовой отряд конницы в погоню за отступающим врагом. В результате они попали под внезапный удар засады с фланга. Император был ранен шальной стрелой и оказался зажат в глухом горном ущелье, из которого не было выхода.

Свергнутый наследный принц тогда тоже находился в походе. Узнав, что его венценосный отец попал в окружение, он хотел выдвинуть войска на выручку.

Однако командовавший войсками генерал приходился братом тун-фэй. Брат и сестра действовали в сговоре и только и ждали, пока с Императором случится беда. Разве мог он дать свергнутому наследному принцу хоть одного солдата?

Не найдя никакой поддержки, свергнутый наследный принц в конце концов тайком увел императорскую гвардию — всего шестьсот восемьдесят человек — и под покровом ночи совершил стремительный налет на ущелье.

Более шестисот отборных воинов рисковали жизнями, пробиваясь сквозь вражеские ряды и прикрывая отход. После целой ночи кровавого боя они сумели вырвать окруженного Императора из лап многотысячной вражеской армии.

К рассвету из всей гвардии в живых осталось лишь чуть больше сотни человек.

Свергнутый наследный принц был пронзен несколькими стрелами. Когда он доставил Императора в лагерь, обнаружилось, что он испустил последний вдох прямо в седле, до последнего мгновения сжимая в руках боевую алебарду.

Самое трагичное, что Императора так и не удалось спасти — он скончался от заражения раны.

Свергнутый наследный принц напрасно отдал жизнь, Императрица лишилась сына, и при дворе Великой Ци в одно мгновение все переменялось.

Второй принц, узнав о гибели старшего брата, исчез в ту же ночь. Лишь позже дошли слухи, что он принял постриг и отправился странствовать по свету.

Казалось, само небо потворствовало тун-фэй: вступив в сговор с братом, она прибрала к рукам управление государством, успешно подделала завещание, подавила недовольство сановников и возвела на престол третьего принца.

В оригинальном романе этот период был одним из самых мрачных в жизни главного героя.

Князю Нину тогда было от силы лет десять. Из-за того, что на его матушку-наложницу

сыпались проклятия со всех сторон, его жизнь во дворце стала невыносимой. Главными его опорами были души в нем не чаявший свергнутый наследный принц и отец-Император, который относился к нему вполне благосклонно.

В итоге свергнутый наследный принц погиб, Император скончался, а таинственный второй брат испарился без следа.

Небо над головой юного князя Нина рухнуло, создав идеальную почву для начала его погружения во тьму.

Когда Лу Цзыяо читал эту главу, он был в полном восторге, думая: «Ну наконец-то этот безынициативный главный герой покажет, на что способен!»

Однако теперь, находясь внутри этой реальности, стоит ему представить будущее... Без первого принца, который так бодро учил жизни брата, каково придется ему и пухлому малышу?

Кошмар какой!

Хоть бы второй принц, когда отправится странствовать, прихватил с собой его и маленького князя Нина.

Размышляя об этом, он толкнул дверь и вошел в спальню восточного флигеля.

Закрыв дверь, он внезапно услышал в комнате щелчок.

Лу Цзыяо вздрогнул от неожиданности и, повернув голову, увидел Сюэ Цюна, который с выпученными глазами стоял у кровати.

Братья молча уставились друг на друга.

Сюэ Цюн как ни в чем не бывало развязной походкой направился к выходу.

Лу Цзыяо поднял руку, перекрывая ему путь, и холодно спросил:

— Что ты забыл в моей спальне?

— Брат пришел к тебе поиграть, нельзя, что ли? — нагло заявил Сюэ Цюн.

Лу Цзыяо краем глаза взглянул под кровать и заметил, что спрятанный сундучок вытасчен наружу на добрую половину. Он сразу понял, что Сюэ Цюн только что пытался взломать замок.

— Ты хотел украсть мои вещи? — Лу Цзыяо, ничуть не уступая, уставился на мальчика, который был на голову выше его.

— Украсть твои вещи? Да что ты там такого срамного спрятал? — Сюэ Цюн свирепо воззрился на Лу Цзыяо. — Что это за цветные штуковины ты позавчера сжигал в медном тазу? Признавайся честно, не то я сейчас же приведу старую госпожу, чтобы она обыскала твой сундук!

Лу Цзыяо обомлел. Как этот малец узнал, что он тайком сжигал что-то в комнате?

Он ведь сжигал лишь упаковки от обмененных продуктов, и двери с окнами были плотно закрыты — его ни за что не могли засечь!

— Ты сам это сказал, — холодно ухмыльнулся Лу Цзыяо, ничуть не растерявшись. — Иди и приведи старую госпожу прямо сейчас! Посмотрим, как ты объяснишь, что пролез в мою комнату, попытался взломать замок, а когда ничего не вышло, оболгал меня, будто я прячу что-то непристойное.

Все обмененные продукты хранились в Магазине «Брешь», так что в сундуке не оставалось никаких следов от упаковок.

На самом деле обертки тоже можно было убирать в Магазин «Брешь», но объем хранилища составлял всего один кубический метр. Лу Цзыяо страдал перфекционизмом и не терпел беспорядка, поэтому уничтожал ненужные упаковки огнем.

Мусора набиралось немного: пятый принц не слишком любил сладости, шестой принц ел мало, и лишь пухлый малыш обычно объедался, так что в день приходилось сжигать от силы пять-шесть мелких пакетиков.

Сюэ Цюн вытаращился на него, собираясь бросить какую-нибудь ультимативную угрозу, чтобы запугать Лу Цзыяо, но при мысли о том, чтобы обращаться к старой госпоже, струсил.

<http://bllate.org/book/18379/1766846>